Наталья Зимина

Бабушка-детектив, или Как я нашла убийцу между борщом и пляжем

Наталья Зимина

Бабушка-детектив, или Как я нашла убийцу между борщом и пляжем

https://litres.ru/74749173
SelfPub; 2026

Аннотация

Зинаида Петровна, шестьдесят два года, три внучки, борщ по средам — и тридцать лет работы бухгалтером, за которые она научилась находить, где воруют. Когда в тихом пансионате «Золотая осень» умирает подполковник в отставке, милиция говорит «сердце». Зинаида Петровна говорит «чепуха» — и берётся за дело.

В ход идут вязальные спицы вместо лупы, чай с вареньем вместо допроса и бухгалтерская логика, которая убийственнее любого пистолета. Потому что подполковник умер не от сердца — он умер от того, что кто-то очень хотел, чтобы он умер от сердца. И этот кто-то не учёл одного: в «Золотой осени» живёт бабушка, которая умеет считать.

Уютный иронический детектив для тех, кто любит смеяться — и для тех, кто знает: когда воруют, времени не хватает. Когда не воруют — остаётся на всё.

Наталья Зимина
Бабушка-детектив, или Как я нашла убийцу между борщом и пляжем

ГЛАВА 1. ПОДПОЛКОВНИК УМИРАЕТ В СРЕДУ

Подполковник Пантелеймон Аркадьевич Свиристелев умер в среду, между борщом и компотом. Сел за стол — крепкий, румяный, семьдесят два года, ежедневная пробежка по пляжу, ни одного больного зуба. Съел половину тарелки борща. Пожаловался, что свёклу переварили. Выпил компота. Сказал: «Что-то спать захотел». Положил голову на стол. И — всё.

Врач «Золотой осени» — пансионата для почётных пенсионеров, где я живу с прошлой весны, — сказал: «Сердце. Возраст. Бывает». Милиция сказала: «Естественная смерть. Без подозрений». Администрация сказала: «Соболезнуем. Поминальный обед — за счёт дома».

Я сказала: «Чепуха».

Меня зовут Зинаида Петровна Ковалёва. Мне шестьдесят два года. Три внучки, варежки на заказ, борщ по средам. И — что важно для данного повествования — тридцать лет работы бухгалтером в тресте «Строймонтаж», где я научилась

находить, где воруют.

Подполковник не умер от сердца. Подполковник умер от того, что кто-то очень хотел, чтобы он умер от сердца.

ГЛАВА 2. ПОЧЕМУ Я ЗНАЮ

Три причины.

Первая: Пантелеймон Аркадьевич ел этот борщ два года подряд, каждый день, и никогда не спал после. Он — бегал. Кругами по пляжу. В любую погоду. Однажды — в грозу. Однажды — в снегопад. Однажды — во время урагана «Зоя», когда ветер сдул беседку и унёс зонтик директора.

Вторая: он сказал «свёклу переварили». Пантелеймон Аркадьевич не знал слова «переварили». Он знал слова «недосолено», «пересолено» и «это не борщ, это — позор». Но «переварили» — никогда. Значит, во рту был странный вкус. Значит, что-то было не так.

Третья: перед смертью он мне улыбнулся.

Вы скажете: «Ну и что? Улыбнулся». Но я — свидетель. Пантелеймон Аркадьевич Свиристелев не улыбался. Никогда. За два года — ни разу. Он ухмылялся, кривился, морщился и гоготал. Но улыбаться — по-доброму, по-человечески — он не умел.

А тут — улыбнулся. Мне. Как будто говорил: «Зинаида Петровна, я ухожу. А вы — разберитесь».

ГЛАВА 3. КТО ЕСТЬ КТО В «ЗОЛОТОЙ ОСЕНИ»

Чтобы вы понимали, кто у нас кто — короткий список.

Директор пансионата — Валентина Игоревна, сорок во-

семь лет, крашеная блондинка, улыбается всегда (в отличие от покойного). Носит туфли на шпильке по песку (умение, которое я уважаю, но не доверяю).

Врач — Арнольд Михайлович, шестьдесят пять лет, лысый, добрый, вечно с градусником. Единственный, кто называет меня «Зинаида Петровна», а не «бабуля».

Повариха — Тамара, пятьдесят лет, руки как лопаты, борщ — слава района. Именно её борщ ел подполковник в последний раз.

Соседи: Раиса Максимовна (семьдесят один, чемпионка по домино), Борис Наумович (восемьдесят, врёт, что был разведчиком), Людочка (шестьдесят пять, ищет мужа — пятого).

Охранник — Володя, тридцать, спит на посту (я проверяла — три раза).

И я. Зинаида Петровна. Которая не верит в «сердце».

ГЛАВА 4. ПЕРВОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ. КУХНЯ

Я пошла на кухню. Тамара мыла котлы.

— Тамара, скажи: что было в борще в среду?

— Как обычно, Зинаида Петровна! Свёкла, капуста, морковь, картошка, лук, томат...

— А приправы?

— Лавровый лист, перец, соль...

— А соль — откуда?

Тамара остановилась.

— В смысле?

— Соль — из общей солонки или из отдельной?

— Из солонки. Как всегда. А что?

— А кто сидел ближе всех к солонке за столом подполковника?

Тамара задумалась.

— Пантелеймон Аркадьевич сам. Он всегда первым — за стол. И соль — всегда справа от него.

— А кто подходил к столу перед обедом?

— Никто. Все сидели. Обед — по расписанию. Двенадцать часов. Никто не встаёт, пока не закончат.

— А после?

— После — все встали. А подполковник — нет.

Я поблагодарила Тамару. Ушла. Подумала: соль. Если в соли было что-то — это накапливаемое. Не разовое. Значит, подсыпали не в среду. Значит — раньше. В течение дней, недель.

Значит, кто-то ходил на кухню. Или — к столу. Или — к солонке.

ГЛАВА 5. РАИСА МАКСИМОВНА ВИДЕЛА

Раиса Максимовна — мой главный источник информации. Она не встаёт из-за стола (колени), но видит всё (глаза — орлиные).

— Раечка. Кто в последнее время подходил к солонке подполковника?

Раиса поставила домино.

— А тебе зачем, Зина?

— Интересно.

— Так. Ну, слушай. Борис Наумович подходил. В прошлую пятницу. Наливал себе соль — а у него своего — полно. Людочка подходила. Но она ко всем подходит — ищет мужа. Валентина Игоревна — раз. Смотрела на подполковника — и на соль.

— Директор?

— Директор. Точно тебе говорю. В пятницу. Я ещё подумала: чего это она? Никогда к нам за стол не подходит — брезгует. А тут — подошла. И солонку трогала.

ГЛАВА 6. БОРЩ НА ЗАВТРАК

В четверг я попросила Тамару: оставь мне тарелку борща. Не выбрасывай.

— Зинаида Петровна, вы же не едите борщ на ужин!

— Не ем. Но оставь.

Оставила. И вторую взяла при ней, прямо из котла. Обе — под плёнку, в холодильник у себя в номере. Не для еды — для сравнения: порция с раздачи и порция из котла. Если в одной что-то есть, а в другой нет — сразу пойму, где искали.

Вопрос: где сделать экспертизу? В милицию идти — «у вас паранойя, бабушка». В частную лабораторию — денег нет (пенсия — не разгуляешься).

Решение: Арнольд Михайлович. Врач. У него — реактивы. У него — доступ. У него — ко мне доверие.

— Арнольд Михайлович. Скажите: если в борще был мышьяк — вы бы заметили?

— Зинаида Петровна, мышьяк в чистом виде сейчас не используют. Смерть — слишком лёгкая.

— А что используют?

— Сердечные гликозиды. Накапливаются. Вызывают аритмию. Смерть — как от сердца. Всегда.

— И как это обнаружить?

Он посмотрел на меня. Долго.

— Зинаида Петровна. Вы что — расследуете?

— Расследую.

Он вздохнул.

— Дайте мне этот борщ.

ГЛАВА 7. РЕЗУЛЬТАТ

Арнольд Михайлович принёс ответ в субботу, за завтраком, под видом меню. В меню был вложен листок. На листке — три слова его почерком: «Дигоксин. Много. Приходите.»

Я пришла в кабинет в приёмные часы, пожаловалась на давление, а когда медсестра Гуля вышла за тонометром, Арнольд Михайлович сказал тихо:

— В вашей тарелке — дигоксин. Концентрация — как две лечебные дозы сразу. Для здорового сердца — уже аритмия. Для сердца, приученного к лекарствам, — ночь без сна. Для сердца, которое получает это месяцами, — среда, между борщом и компотом.

— Значит, борщ травили?

— Ваш борщ — чистый. Я проверил и вторую порцию, из котла. Чистый. Значит, травили не котёл. Травили — тарел-

ку. Или солонку. Или ложку.

Я попросила пробы соли. Арнольд Михайлович посмотрел на меня поверх очков.

— Зинаида Петровна. Дигоксин — рецептурный. Отчётность — строгая. Я — единственный, кто заказывает его в пансионат. И я заказываю его — двоим. Обоим — по половине таблетки в день. Оба — живы, оба — в норме. Значит, лишний дигоксин приходит в «Золотую осень» из другого места.

— А кто ещё может его достать?

— Любой, у кого есть родственник-сердечник. Или — деньги. Или — доступ к аптечным спискам. — Он помолчал. — Или — к моему кабинету. У меня пропадали ключи. В феврале. На два дня.

ГЛАВА 8. АРХИВНАЯ СПРАВКА

Вечером я сделала то, что умею лучше всего в мире: запросила документы.

Пенсионеру документы выдают охотнее, чем правду. Я сказала администратору, что пишу историю пансионата «для памяти» (врёт, кто скажет, что в шестьдесят два нельзя врать во благо), и получила папку «Книга почёта и памяти» — список тех, кто «ушёл от нас за время работы дома».

Список я переписала в тетрадь. Дома — разложила столбиком, как оборотку: фамилия, год смерти, возраст, причина.

Семёнова А. И., 2019, семьдесят девять, «сердце».

Круглов М. П., 2020, восемьдесят три, «сердце».

Хабибуллина Н. С., 2022, семьдесят четыре, «сердце».

Ильин В. В., 2023, восемьдесят один, «сердце».

Свиристелев П. А., среда, «сердце».

Пять смертей за шесть лет. «Сердце». Пансионат — не больница, но и не морг. Пять — много. Я посчитала процент: у нас сто двадцать мест. Пять смертей на сто двадцать человек за шесть лет — это ниже городской нормы по возрастной группе, если верить статистике. Арнольд Михайлович подтвердил: «Норма».

Но бухгалтерское чутьё — не статистика. Бухгалтерское чутьё — это когда в ведомости всё сходится, а рука не поднимается её подписать. Я не могла подписать этот список. И вот почему.

ГЛАВА 9. ЧЕТЫРЕ СЕРДЦА И ЧЕТЫРЕ КВАРТИРЫ

Про каждого из четверых я спросила у Раисы Максимовны и Тамары — отдельно, между делом, без нажима. Ответы сложились в таблицу, а таблица — в приговор.

Семёнова Антонина Ивановна. Одиночка. Двушка в центре, напротив вокзала. Подписала с пансионатом «договор пожизненного содержания с иждивением». Умерла через четыре месяца.

Круглов Михаил Петрович. Одиночка. Однушка с видом на реку. Тот же договор. Умер через семь месяцев.

Хабибуллина Нурия Сабировна. Одиночка (сын — в Магадане, не приезжал десять лет). Трёшка у рынка. Договор.

Умерла через три месяца.

Ильин Вениамин Викторович. Одиночка. Комната в коммуналке — но коммуналку сносили, и комната шла как «выметаемая» — под расселение, с доплатой. Договор. Умер через пять месяцев.

Свиристелев Пантелеймон Аркадьевич. Одиночка (племянник — в Киеве, связь — открытки на 23 февраля). Двухкомнатная в «генеральском доме». Договор подписывал в декабре прошлого года. По моим прикидкам — до среды оставалось как раз «три-семь месяцев».

Пять смертей. Пять квартир. Один договор. Один и тот же юрист, который приносил договоры на подпись: молодой, вежливый, с папочкой — Вадим Сергеевич.

ГЛАВА 10. БУХГАЛТЕРСКОЕ ЧУТЬЁ

Про Вадима Сергеевича я вспомнила не сразу — а вспомнив, ахнула так, что спугнула кота Раисы (Раиса держит кота контрабандой, звать Батон, это отдельная история).

Вадим Сергеевич водился в нашей бухгалтерии дважды в год: приносил «пожизненные договоры» и забирал папочки. А до того — я видела его подпись. Где? В тресте «Строймонтаж», в девяносто восьмом, в ведомости на списание. Подпись — закорючка с петлёй вниз и точкой в конце. Такую подпись не забудешь: она у меня когда-то не сошлась с картоткой, и я гоняла её три недели.

Молодой юрист с подписью из девяносто восьмого? Значит — не он подписывал. Значит — подпись ему оставили

в наследство. Или — он подписывает за другого. Кто-то, кто в девяносто восьмём списывал в «Строймонтаже» и кто теперь... нет, рано. Бухгалтер без доказательств — сплетница с калькулятором.

Доказательства были в Земле. То есть — в Росреестре: я попросила внучку Катю (программистка, четвёртый курс, выходные у нас) проверить пять адресов — кому принадлежат теперь.

Катя позвонила в воскресенье вечером.

— Бабуль. Ты сидишь?

— Я стою у плиты. Говори.

— Все четыре проданы в течение года после смерти. Все — одному покупателю. ООО «Восход-Плюс». Учредитель скрыт за номиналом, но адрес регистрации — твой пансионат. Бабуль, это же...

— Это, Катюша, «договор пожизненного содержания». Содержание закончилось. Остались квартиры.

ГЛАВА 11. БОРИС НАУМОВИЧ НЕ ВРЁТ

Про Бориса Наумовича у нас говорят: «врёт, что был разведчиком». Уточню: у нас говорят «врёт» — те, кто его не слушал. Я слушала. Два года. По средам, за домино.

В понедельник я села напротив и сказала без подготовки:

— Борис Наумович. Мне нужна ваша память. Не истории — память.

Он посмотрел на меня. Другим взглядом. Не «старик на пенсии», а «проверка связи».

— Наконец-то, Зинаида Петровна. Что вас интересует?

— Смерть Свиристелева.

— Не «смерть», а «работа». Смерть — это результат. Интересовать должна работа. Спрашивайте.

Я спросила — про прошлые смерти. Он отвечал — как отчёт: сухо, с датами.

— Семёнова. Осень девятнадцатого. Перед этим к ней дважды приезжал «племянник» — я такого не видел ни до, ни после. Ходил вперевалку, обувь — не по сезону, и в коридоре — держался стенки. Слежку не ведёт, портит. Круглов — двадцатый год. У него пропадала тетрадь — он жаловался завхозу, думал — санитарки. Хабибуллина — не моя епархия, глухая сторона, я не вижу её окно. Ильин — двадцать третий. За неделю до — у него ночами горел свет, он «разбирал бумаги», говорил — поздравления принимает. За три дня — бумаги вынесли в мешке из-под картошки.

— А Свиристелев?

— А Свиристелев, Зинаида Петровна, сам ко мне пришёл. В феврале. Сказал: «Борис, ты наблюдал. Я — тоже». И положил передо мной домино. Костяшку «пять-пять». И сказал: «Пять дел. Пятая — я».

— И что вы?

— А то, что я — с тех пор — дежурю. Окно у меня — на парковку. И на парковку, — Борис Наумович сделал глоток чая, — по средам, с семи до девяти вечера, приезжает серый «Опель» без опознавательных знаков и с тонировкой. Двое:

один — в кабинете директора подолгу. Второй — курит у машины. Курит — как юрист: глубоко и по расписанию. Это, судя по описанию Свиристелева, — ваш Вадим Сергеевич с папочкой.

— Почему вы молчали?!

— А кому? Милиции? — Он усмехнулся. — Зинаида Петровна, я тридцать лет работал в конторе, где докладывают не милиции. Я ждал того, кто спросит правильно. Вы — спросили.

ГЛАВА 12. ДЖИП ПО СРЕДАМ

В среду (да, снова среду — эта неделя у них как раз в среду) мы с Борисом Наумовичем устроили «дежурство по гамбургски»: он — у окна с биноклем ночного видения (был, разумеется, «у внука»), я — у столика с вязанием и записной книжкой. Легенда: вяжу носки и никого не трогаю.

В 19:14 на парковку въехал серый «Опель». Из него вышли двое. Первый — крупный, в куртке — остался у машины. Второй — худой, пальто, папочка — пошёл к входу. Я записала номер. Борис Наумович продиктовал его раньше меня: «Учись, Зинаида Петровна, считывать».

Через час с четвертью худой вышел. Нес покорно пустую папочку. Крупный выбросил окурок (мы подобрали его потом пинцетом с ноги Раисы Максимовны — но об этом в своём месте), и «Опель» уехал.

Я списалась с Катей: пробить номер. Через час ответ: «Опель» зарегистрирован на ООО «Восход-Плюс». Та самая

фирма — покупатель квартир.

Круг замкнулся: договоры приносит Вадим, квартиры покупает «Восход», «Опель» из «Восхода» приезжает к директору. Оставался один вопрос — вопрос, который я боялась задать вслух: а Валентина Игоревна — хозяйка «Восхода»? Или — служащая? Хозяйки не ездят на чужих машинах. Служащие — ездят.

ГЛАВА 13. ЛЮДОЧКА И ПЯТЫЙ МУЖ

Людочка — женщина приятная во всех отношениях, кроме одного: она говорит правду только тогда, когда врёт. Поэтому я пошла к ней не с вопросами, а с пирогом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.